

Игорь Шестков "Трещина"

ТРЕЩИНА

Наконец похолодало. Сколько же можно терпеть это пекло?

Каждый день 31-32, бывало и 36 градусов. А по ночам – духота.

Ненавижу берлинское лето. Жара тут какая-то тошная. Кажется, что не только воздух, но и само пространство раскаляется до бела в стеклянной чашке дня...

В этом медленном, но грозном, ежедневном росте температуры мне мерещится исступление природы... ярость ошалевшей планеты, леса которой горят и вырубаются, недра истощены, океаны – замусорены, воздух – загрязнен... планеты, на которой все гибнет по вине человека, живущего в массе скотской жизнью, но плодящегося с невероятной скоростью и грозящего отравить и уничтожить все живое, включая и самого себя. Превратить Землю в холодный и пыльный Марс или в пылающую уродину – Венеру.

Да, похолодало, стало легче дышать...

Поэтому нудные и долгие крестины моей младшей внучки в берлинской церкви «Воскресения Христова» пролетели незаметно. Подслеповатый усталый поп отчаянно бубнил по-старославянски, путал имена, то и дело кивал непонятно кому и крестился так, как будто чистил морковь ножом, крестные ходили вокруг купели с преувеличенно важным видом, боялись поскользнуться и уронить свои ошарашенные интенсивным экзорцизмом ноши, чужой младенец орал как резаный... русская девочка годков двух от роду повторяла как одержимая: «Не хочу, не хочу, не хочу...» И ловко отбивалась от цепких родительских рук. Христос, похожий на карточного вальта, смотрел на крещение с иконостаса с деланным энтузиазмом. Казалось, что ему подобные зрелища надоели уже тысячелетия назад.

Немцы успешно прятали недоумение и раздражение под приветливыми улыбками. У русских на лицах запечатлелось какое-то то ли искусственное, показное, то ли юродивое благоговение, не скрывающее свиной нахрап женщин и волчий оскал мужчин.

Когда спектакль окончился, все испытали облегчение. Религиозный бред

выносим только в умеренных дозах.

Поехали на нескольких машинах в ресторан.

Остановились недалеко от входа в зоопарк. Ресторан располагался под застекленной крышей десятиэтажного здания. Вид оттуда красивый... внизу бегают дикие звери... на горизонте Марцан-Хеллерсдорф.

Расселись за двумя длинными столами. Подали шампанское. Выпили за здоровье и счастье малышки...

Тимо рассказал о своей новой клинике.

Эдик завел разговор о политической ситуации в Австрии.

Франциска болтала без умолку.

Гюнтер все время улыбался, Гудрун хмурилась.

Подросток Марк томился от переизбытка взрослых с их скучными проблемами и хорошо выбритыми щеками.

Две мои внучки порхали по залу как бабочки.

Новокрещенная Иоханна мирно сосала грудь мамы.

На закуску смешной, слегка косоглазый официант принес несколько пирамидок с хумусом (желтый, светлый и красный, со свеклой) и лепешки. А через четверть часа на столе появились маленькие кусочки куриного мяса в ананасном соусе в приятных глиняных мисочках с кошачьими головами вместо ручек, салат и карамелизированные жареные баклажаны с рисом басмати на продолговатых белых тарелках с лебедями.

Мясо я даже не попробовал, а баклажаны были так вкусны, что я забыл о боли в спине и в колене, забыл о том, что держу диету, о том, что дал дочке слово вести себя на крестинах и в ресторане достойно и скромно помалкивать, забыл о том, что я в Берлине, среди немцев, моих новых родственников и друзей, о том, что жизнь, кажется, прошла, и непонятно, что делать дальше, стоит ли оттягивать или приближать конец... о том, что надо готовить себя к тому времени, когда придется из городской берлинской электрички пересаживаться в лодку Харона... менять Шпрее на Ахерон.

...

Вкус берлинских карамелизированных баклажанов напомнил мне вкус баклажана кавказского, которого я поджарил на костре из плавника на берегу

Черного моря лет сорок пять назад. Проткнул лоснящийся овощ и несколько помидоров веточкой и сунул в синеватый танцующий огонек. Помидоры сразу треснули и выплеснули свой розовый сок, а баклажан долго стонал, потом зашипел и сердито выпустил из себя несколько струек пара... начал гореть. Я его потушил, разрезал, посолил и съел. Половину. А вторую половину съела Инга.

Да-да, она...

Милая, высокая, длинноногая. Легкая на подъем. Прекрасная пловчиха. Глаза зеленые с желтыми искорками. Губы – фиолетовые. Веснушки на лбу и носу. Легкий уральский акцент (немного на «о»). И золотая цепочка на шее.

У Инги было много поклонников, тогда, в конце июля 197... года, в пансионате МГУ «Голубая долина». Были молодцы и повыше и поатлетичнее меня. Но Инга их всех как-то быстро отшивала. Я украдкой посматривал на нее... в столовой и на танцах. Танцевала она только быстрые танцы, а от приглашений на медленные – вежливо отказывалась, хохотала, уходила. Потом появлялась. После трех дней разведки, я набрался мужества и пригласил ее танцевать. Инга, кокетливо поморгав зелеными глазами, согласилась, позволила себя обнять, доверчиво прижалась ко мне и даже ответила на мой дежурный сухой поцелуй.

Падает снег, рыдая, пел Сальваторе Адамо. Ты не придешь сегодня вечером...

Мастер! Многие растроганные и размягченные этой песней студентки, лишились благодаря ему невинности в колючих кустиках и на теплых камешках вокруг «Голубой долины».

После второго медленного танца («Сувенир» Демиса Руссоса) и второго поцелуя, несколько более продолжительного, но все еще сухого, я предложил Инге пройтись по пляжу. Тут Шарль Азнавур запел свою «Богему». Мы обнялись и начали топтаться...

Вся эта инфантильная романтика еще на меня действовала. Я влюбился в Ингу. Третий поцелуй был многообещающ, но также сух, как и первые два.

Тогда, этой южной ночью, мне казалось, что старшая меня года на четыре Инга разделяет мое чувство. Смешная самонадеянность!

Повздыхав и помечтав о жизни на Монмартре, с сиренью, мольбертами,

сюрреалистами и кофе со сливками, мы вышли на асфальтированную площадку перед входом в пансионат. Там призывно горели синие и розовые огоньки. Парочки сидели на деревянных скамейках. Слышался негромкий мужской бас, женское хихиканье... бульканье вина... Я сбегал в свою комнату, положил в тряпичную сумочку баклажан, помидоры, зажигалку и щепотку соли в газете, спустился к Инге.

Она взяла меня под руку и мы направились к морю... шли не по бульвару, заросшему пальмами и акациями, а по грязной советской деревенской дороге, с лужами, камнями и всякой дрянью на обочинах. Млечный путь, впрочем, сиял и переливался перламутровыми сполохами... как в планетарии.

И тут произошло то, чего я втайне побаивался и ужасно не хотел испытать, особенно с любимой девушкой. В темноте нас окружили штук десять голодных и злых бездомных псов и начали рычать и лаять. Глаза их сверкали ярче звезд, а клыки казались мне размером с бивни мамонта.

Я поднял булыжник и бросил в большого ушастого пса. Хотел поразить его в голову. Кажется попал... услышал жалобный скулеж... тут же поднял второй и уже собирался его метнуть... но тут Инга взяла меня за руку и сказала: «Не надо, милый, они не причинят нам вреда».

Затем она – только на мгновение – как-то странно напряглась...

Что-то прошептала.

Я заметил быстро растущую тень, похожую очертаниями на огромную собаку... Мне показалось, что глаза Инги стали размером с мельницу и из них полетели в разные стороны зеленоватые искры. Я оробел.

Из пансионата донеслась чарующая мелодия Джоржа Харрисона «My Sweet Lord», я обнял Ингу за талию и мы, танцуя, прошли сквозь кольцо почему-то притихших псов... Через несколько секунд – я обернулся... никаких собак не было на дороге. Только грязная вода поблескивала в лужах.

Вышли на пляж.

Не сговариваясь, сбросили одежду и вошли в теплую, иссиня-черную воду. Ночное море втянуло нас в себя своим огромным ласковым ртом. И ласкало, ласкало наши молодые тела своими солеными губами...

После купания валялись на теплой гальке, смотрели в небо, обнимались.

Большого я и не хотел...

Но, повинувшись инстинкту («или делай, или хотя бы демонстрируй готовность и желание»), дотронулся несколько раз кончиками пальцев до лобка моей подружки...

Как будто засохшие водоросли потрогал.

Ее оливковые груди представлялись мне свернувшимися в спирали электрическими угрями. От прикосновения к ним меня било током. Я видел маленькие желтые молнии вылетающие из ее сосков как из электрической машины.

Целовалась Инга очень сладко.

Я не сразу заметил, что ее длинный язык – раздвоен на конце.

Перед тем, как возвращаться в пансионат, мы развели костер из плавника и поджарили тот самый баклажан, который я несколько дней до этого – сам не зная зачем и почему – украл на пансионатской кухне...

Наш повар, толстый осетин, которого все звали «Коби», заметил мою проделку, выпучил по-рыбьи глаза, заохал, покачал большой лысой головой... потом протянул мне несколько розоватых анапских помидоров и прогудел: «Пожарь баклажан с помидорами и посолить не забудь. Обьедение».

...

На следующий день, после неаппетитного коллективного завтрака, с серым невкусным хлебом, желудиным кофе, объявлениями пансионатского начальства и выговорами, мы отправились вдоль моря в сторону Большого Утриша, прихватив с собой полосатое одеяло, алюминиевые колышки уголком и простыню. Нашли безлюдную бухточку, разложили одеяло, укрепили колышки большими круглыми камнями, растянули на них простыню и легли. В тени, как баре.

О чем мы говорили, я не помню, а придумывать не хочу. Вероятно, о какой-нибудь чепухе.

Простыню нашу полоскал свежий бриз.

Море окатывало нас алмазными брызгами.

Чайки гоготали. Оглушительно звенели цикады.

Тело Инги казалось мне зеленовато-оливковым.

Ее кожа пахла водорослями, йодом, а шея – почему-то – дыней и яблоками...

В те времена было модно ставить друг другу засосы, и мы по очереди впивались друг другу в шею... как упыри... это возбуждало... плавки мои, порыжевшие на утришском солнце, норовили разорваться. Но Ингу их содержание явно не интересовало.

Ей хватало и неттинга.

Помню, заснул после долгого купания и поцелуев, а Инга углубилась в книгу.

А когда я проснулся... все уже было не так чудесно, как до моего сна. Паршиво было. Потому что между мной и Ингой развалился Боря Кипелов, по прозвищу «Кип», баскетболист, крашеный блондин, аспирант и известный на мехмате «покоритель женских сердец».

С противной бородкой и сигаретой во рту.

От него пахло потом и агрессией...

Этот самый Кип любил в мужской компании рассказывать как «та» или «эта» «дала ему в рот»... С подробностями, от которых тошнило.

Какого черта? – подумал я. – Какой дьявол принес эту грязную скотину в наше гнездышко? Мы же никому не сказали, куда пошли. Неужели Инга сообщила ему, где мы ляжем? Пригласила присоединиться? Или он по берегу тащился к водопаду и случайно нас увидел? Но я ведь так простыню натянул, чтобы нас с берега видно не было. Косо. Значит Инга проболталась. Специально. Сука.

...

Я сел...

Инга лежала на плече Кипа и играла его бородой. А он перебирал как четки ее цепочку. Инга и Кип говорили друг с другом так, как будто меня не было рядом.

– Что делает рядом с тобой этот недоросток?

– Он уже взрослый. Первый курс осилил. Мы с ним танцевали... болтали... тебя же не было. Я скучала целых три дня. А затем выбрала этого смазливового петушка, чтобы ты потом не ревновал. Он занятный. Про Эдгара По мне рассказывал. Говорил, что хочет стать художником.

– Я ему покажу сейчас По, засранцу! Глаз на жопу натяну и моргать заставлю!

– Не надо, дорогой! Он от страха описается. Вчера вечером пару местных собак встретили на дороге, так он так задрожал... я думала, заплачет и убежит.

– А кто тебе засос на шею поставил? Только не говори, что он, тогда я его сейчас же придушу, а тело глубоко в гальку зарюю. Его сто лет не найдут. Художник...

– Ну что ты, какие засосы, я тут недалеко от тира в колючки упала, поцарапалась. Загноились ранки... медсестра йодом прижигала... вот и пятнышки...

...

Тут Кип повернул ко мне свою огромную вихрастую голову, смачно плюнул мне в лицо и прошипел: «Исчезни, тля!»

Меня обожгло страхом и яростью.

Но я взял себя в руки, улыбнулся криво, кивнул, встал и купаться пошел. А Кип вдобавок запустил в меня бычком. Да так удачно, что на плавках дырочку прожег. На стороне ягодиц.

Сердце мое захлебывалось желчью от несправедливой обиды. Мне хотелось убить их обоих. Как она могла так говорить обо мне? И кому? Пошляку и дебилу Кипу, понимающему только язык грубой силы.

Язык грубой силы?

Вот и славненько!

Получишь, подонок, получишь ответ на этом языке.

Я хорошо понимал, что мои шансы на суше равны нулю. Выросший в хулиганской Казани костлявый гигант Кип меня ногами затопчет.

Но в воде – я его в десять раз сильнее. Потому что я плаваю и ныряю как рыба, а он... посмотрим, как он плавает.

Отплыл от берега метров сто и осторожно наблюдал оттуда за Ингой и Кипом. А те занялись любовью. Я видел только трясущуюся волосатую задницу Кипа и смутно слышал сквозь шум прибоя стоны Инги.

После любви Инга, видимо, задремала, а Кип решил ополоснуться. Вошел в воду и поплыл, неловко загребая своими огромными ручищами.

Меня он не видел. Потому что я был от него с солнечной стороны. К тому же я не поднимал голову над водой... и выдыхал в воду... Полагаю, он вообще забыл о моем существовании. Об обиде, нанесенной мне. Но я не забыл об обиде. Все мое существо жаждало мести.

Когда он отплыл метров пятьдесят от берега, я коварно напал на него... Сзади.

Я знал, как топить человека, мне это не раз показывали знакомые военные аквалангисты, с которыми я вместе тренировался в бассейне ЦСК, но ни до этого момента, ни после не применял этого знания на практике. Набрал побольше воздуха в легкие, я обхватил его сзади за шею левой рукой, а правой схватил его за вихры и надавил. Всем своим существом я толкал его в глубину. Кип бешено дергался, пытался отодрать мою руку от своего горла, страшно лягался верблюжьими своими ножищами, даже попытался укусить меня. Все напрасно... Его пыл угас через минуту... он пустил пузыри... хлебнул черноморской водицы... еще... задергался уже в агонии и пошел ко дну. Но дна не достиг, а повис в воде, как астронавт в ракете.

Я смотрел на него без тени сочувствия. Этот негодяй унизил и оскорбил меня, плюнул мне в лицо, бросил в меня бычком, оттрахал у меня на глазах девушку, в которую я был влюблен. Он заслужил смерть.

Я всплыл, вдохнул, не поднимая головы из воды, и нырнул обратно к телу Кипа. Его уже отнесло течением метров на десять в сторону. Я схватил его за жилистую лапу и поволок под водой дальше от берега. Несколько раз выныривал, дышал, а потом упорно... тащил и тащил еще теплое тело к подводному скалистому обрыву метрах в двухстах от берега.

Утришский подводный мир был мне хорошо знаком – не одно лето я нырял тут с маской и трубкой, охотился за крабами и доставал рапанов.

Я знал, что у обрыва, примерно на пятнадцатиметровой глубине, много небольших пещерок в скалах. Там прятались особенно большие крабы и обросшие разноцветными водорослями морские ерши сантиметров по сорок длиной. Настоящие чудовища.

Вот и обрыв.

Я нырнул, держа Кипа за руку... тут кажется и вход в пещерку...

Втащил в нее тело... Так... метров пять в глубину... Хватит, чтобы спрятать тело. Другого выхода вроде нет... Подходит.

Ты меня хотел придушить и в гальку закопать, а я тебя тут замурую...

Амонтильядо!

Минут сорок собирал камни... на суше я бы их и поднять не мог, а в воде, спасибо Архимеду...

Заложил ими вход в пещерку. Перед этим последний раз посмотрел на мертвеца. Глаза его были открыты, лицо искажено гримасой животной злобы. Заметил у него на шее золотую цепочку. Сорвал ее и обмотал вокруг указательного пальца, чтобы не потерять.

...

К Инге я возвращаться не стал, а поплыл, по большой дуге... прямо на наш пансионатский пляж. Пришел в «Голубую долину» босой, в одних плавках, но никто не обратил на меня никакого внимания. Принял душ, немного полежал на койке и помечтал. А вечером надел запасные сандалии, сходил в нашу бухточку и забрал одеяло, простыню и колышки. Никаких вещей Инги или Кипа не обнаружил. Даже окурки там не валялись. Вопросительно посмотрел на темнеющее море. И море прошелестело ветерком мне в уши: «Я сохраню твою тайну... Его не найдут... никогда... никогда».

Поздним вечером напился с знакомым однокурсником местным прогорклым и мутным вином.

На следующий день, за завтраком, поискал Ингу в столовой. Не нашел. Зашел в ее комнату, поговорил там с одной красавицей... Она сказала, что никакой Инги там нет и не было, и томно посмотрела на меня. Я описал ингину внешность... упомянул зеленые глаза, веснушки... тогда моя собеседница вздохнула и позвала всех четырех своих соседок. У всех у них были зеленоватые глаза и веснушки. Глупые девчонки начали хохотать, обсыпали меня пудрой, прицепили мне к майке синий бантик и предложили прийти к ним после отбоя.

А через две недели знакомый доцент сообщил мне в канцелярии факультета, что в списках нет аспиранта Кипелова, и что... студент с таким именем никогда не учился на мехмате.

Не было, значит, ни Инги, ни Кипа... Не существовало.

А чье же тело замуровано там, в подводной пещере, недалеко от Большого Утриша?

Об этом я думал, просовывая мизинец в дырочку на стареньких плавках...

Года через три я забыл эту историю.

...

На десерт нам подали горячие яблочные пирожные и итальянское мороженое

«Джелато». Моя старшая внучка подарила мне крохотную коробочку с испанскими шоколадными конфетами. Гости разъехались по домам.

А вечером мне позвонили. В дверь моей квартиры в Марцане. Я посмотрел в глазок – у двери переминалась с ноги на ногу молодая женщина. Одета по моде. Черные колготки. Короткая юбка. Шляпка с вуалью. Открыл. Кажется, знакомая... кто это?

Зеленые глаза с желтыми искорками. Веснушки на носу...

Не может быть! Ей должно было быть за шестьдесят, а этой крале не больше тридцати... Ее голос разрешил все мои сомнения.

– Милый, как же ты мог меня не узнать? Неужели ты все это время думал, что я не догадывалась о том, что ты там под водой вытворял? Где моя цепочка?

И тут же наша чистенькая кафельная лестничная клетка начала превращаться в ту самую подводную пещеру. Стены местами позеленели, местами пожелтели, покрылись ракушками, несколько юрких рыбок проплыли по сгущающемуся воздуху... показался страшный силуэт утопленника... Он яростно смотрел на меня широко раскрытыми мертвыми глазами...

У меня не было ни секунды на размышления. Нужно было в корне пресечь...

– Цепочка? Простите, о какой цепочке идет речь? У меня нет никаких цепочек. Вы ошиблись адресом. Посудите сами, для меня вы – не что иное, как чужое воспоминание, чужая мысль, по ошибке пришедшая мне в голову. Во время еды. Вы даже не чувственное испарение, не ассоциация, не фантазия, у вас нет никаких прав и привилегий... ведь вы всего лишь – хм-хм – несколько царапин и осыпавшаяся краска на трубе парового отопления.

В этот момент неожиданно раскрылись двери лифта...

– С кем это ты разговариваешь? – спросила меня симпатичная соседка-толстунья, вышедшая из лифта с тремя своими любимцами – голубыми померанскими шпицами, которые, увидев меня, тут же начали противно тявкать.

– И зачем ты трубу трогаешь? Там что, трещина? Надо управдому сказать, а то как рванет зимой...